

Час пути в приятных разговорах пролетел незаметно. Перешучиваясь, они добрались до места без особых усилий.

У самых ворот коммуны Ли Сяоцзян снова струсил. Ему даже хотелось, чтобы Хань Дуй пошёл внутрь вместе с ним.

Хань Дуй, в общем-то, был не против составить компанию, но заявляться на собеседование с группой поддержки — дело гиблое, это сразу вызовет у начальства не лучшие мысли. Этим соображением он и поделился с приятелем.

Ли Сяоцзян смущённо почесал затылок:

— Твоя правда. Вечно я трусливого даю.

Хань Дуй ободряюще похлопал его по плечу:

— Выкинь эти мысли! Мы же революционная пролетарская молодёжь! В наших жилах течёт бесстрашная кровь, так неужели мы спасуем перед такой мелкой преградой? Иди смелее, всё будет путём.

Немного осмелев, Ли Сяоцзян замялся у входа. Хань Дуй постоял с ним у ворот, щедро пичкая то порцией «душевной похлёбки», то добавкой «живительного бульона». В итоге храбрость Ли Сяоцзяна взлетела до небес. Он глубоко вздохнул:

— Ну, я пошёл.

Хань Дуй вошёл на территорию коммуны вместе с ним. Только Ли Сяоцзян свернул налево, а он — направо.

Директор Ян оказалась на месте, в кабинете Федерации женщин. Сёстры Хэ и Ван тоже были погружены в дела.

С Хань Дуйем они уже давно стали добрыми знакомыми. Стоило ему показаться на пороге, как сестра Хэ тепло улыбнулась:

— Сяо Хань, заходи!

Хань Дуй вошёл и вежливо поприветствовал всех троих.

Директор Ян тоже приветливо улыбнулась:

— Товарищ Сяо Хань, мне тут сёстры Ван и Хэ рассказали о твоей затее. Вообще-то, в этих знамёнах не было никакой нужды. Защищать права наших женщин — прямой долг Федерации.

Хань Дуй торопливо вытащил из сумки подарок. На прямоугольном полотне тёмно-красного бархата золотыми нитями красовались четыре крупных иероглифа: «Дом женщин». Строго говоря, знамя было довольно простым и без изысков, но подкупало искренностью.

Сестра Ван с радостью приняла его и тут же пристроила на свободный участок стены.

Сестра Хэ налила Хань Дую чашку горячего чая, а директор Ян пригласила его присесть напротив и между делом поинтересовалась, как поживает его семейство.

Хань Дуй тут же заговорил без умолку:

— Ох, директор Ян, после вашего визита у нас дома столько всего изменилось! Сначала бабушка, а теперь вот и старший брат. Я те самые указы и доводы, что вы бабушке приводили, то и дело вбивал ему в голову. И знаете — потихоньку до него дошло! Идеологический уровень вырос на глазах. Парень твёрдо решил менять жизнь честным трудом. Последние дни прямо из кожи вон лезет: в поле пашет за двоих, а дома сразу за веник хватается. Односельчане диву даются таким переменам. За спиной шепчутся, что партийная организация — это вам не шутки, в воспитании людей они настоящие профи.

Директор Ян удовлетворённо закивала, а затем спросила про Хань Мэй.

Хань Дуй просиял:

— Про сестру и говорить нечего! Стала куда веселее, даже подумывает снова за книги засесть. Раньше-то она только и знала, что в поле горбатиться да по дому шуршать, ни о чём другом и не думала. Но ваше появление, директор Ян, стало для неё настоящим лучом света в тёмном царстве. Говорит, хочет во всём брать с вас пример и стать образованной, мыслящей и сознательной социалистической труженицей. Вот она — великая сила личного примера!

Директор Ян мягко улыбнулась:

— Товарищ Хань Мэй — отличная девушка. Пусть при первой же возможности заглядывает к нам в Федерацию. Будем учиться и расти вместе.

— Непременно, непременно! Обязательно передам ей ваши слова, как только вернусь.

Заметив, что у директора Ян на столе скопилась гора документов, Хань Дуй проявил тактичность и поднялся со стула, прощаясь.

Вдруг директор Ян вспомнила кое-что и спросила:

— Сяо Хань, тут до меня дошли слухи, будто тебя хотят пристроить к делу в вашей производственной артели?

Хань Дуй демонстративно «заколебался», тихо вздохнул и сокрушённо заговорил:

— Ну как вам сказать... Всё это довольно запутанно. Директор Ян, вы ведь немного знаете наш Восьмой отряд. Его ещё зовут деревней Ханьли. Живут там в основном Хани да Ли, ну и десятка полтора дворов с другими фамилиями. Я слышал, в первые годы после основания КНР вообще не советовали выбирать старост из крупных кланов, чтобы они не притесняли малочисленные семьи.

Позже, когда контроль государства над деревнями усилился, а политическая сознательность масс возросла, эти клановые дрязги почти сошли на нет. Назначения стали более демократичными: руководство менялось каждые несколько лет, и семьи стояли у руля по очереди. Но вот когда председателем выбрали Ли Маньфу, дела в Восьмом отряде пошли по какому-то скользкому и туманному пути. Сам Ли Маньфу, видать, тоже побаивается народного гнева и обвинений в единоличном правлении. Решил, значит, баланс соблюсти и намекнул мне, что когда наш старый счетовод уйдёт на покой, он не прочь посадить меня на его место. Но он ведь председатель, за весь отряд отвечает, ему надо всё обмозговать. Вот дело и зависло в воздухе, ни да ни нет. А я и спросить не решаюсь. В общем, как-то так всё складывается. Даже не знал, как вам это попроще преподнести, вот и выложил всё как на духу.

Директор Ян на секунду задумалась, а затем едва заметно кивнула:

— Ладно, Сяо Хань, я тебя поняла. Возвращайся пока домой.

Хань Дуй распрощался с директором Ян, затем вежливо кивнул сёстрам Хэ и Ван и на прощание бодро бросил:

— В Федерации женщин всегда работы невпроворот, а рук не хватает. Если понадобится — только свистните, я любую работу сделаю. У нас в артели осенняя страда позади, так что времени свободного вагон.

Женщины с улыбками закивали ему вслед.

Когда Хань Дуй вышел за ворота, Ли Сяоцзян уже ждал его у входа. Оценив его кислую мину, Хань Дуй поинтересовался:

— Ну что там?

Ли Сяоцзян вздохнул:

— Велели идти домой и ждать ответа.

Хань Дуй похлопал его по плечу:

— Ну и жди спокойно. В нашем деле главное — запастись терпением.

Ли Сяоцзян глухо угукнул.

Хань Дуй свернул к сельпо и на последние шестьдесят центов взял полкило разливного самогона из батата. Запах у этого пойла был на редкость термоядерным и резким. Поскольку под разливной алкоголь полагалось приносить свою тару, о чём Хань Дуй благополучно забыл, ему пришлось пустить в ход всё своё красноречие, чтобы выпросить у продавщицы бутылку под честное слово вернуть в следующий раз.

У него осталось ещё сорок центов — неслыханное богатство. Хань Дуй поначалу думал прикупить какую-нибудь закуску, но, покрутив в руках последние монеты, решил попридержать коней. Ладно, вернётся домой — попросит сестру поджарить арахиса к столу, вот и будет отличный закусон.

Заметив его сомнения, Ли Сяоцзян предложил:

— У меня дома полно всяких солений и маринадов: и острые огурчики есть, и кислые побеги бамбука — под чарочку самое то. Сейчас вернусь и вынесу тебе немного.

Хань Дуя осенило, и он спросил:

— А твой отец тоже выпить не дурак?

Ли Сяоцзян ответил:

— Да какой мужик откажется? Но мой батя спокойный: нальют — выпьет, не нальют — и страдать не станет.

Хань Дуй вздохнул:

— Твой отец куда лучше моего. Моему только покажи бутылку — взгляд прикипит, не оторвёшь. А если дома пусто, так изведётся весь.

За разговорами они и не заметили, как подошли к деревне. Но чем ближе были родные хаты, тем сильнее мандражировал Ли Сяоцзян.

Хань Дуй, конечно же, это приметил:

— Сяоцзян, ты чего опять затрясся?

Ли Сяоцзян признался как на духу:

— Вот представь: если старший дядя прознает, что я в обход него в коммуны бегал, что тогда будет?

Хань Дуй с праведным возмущением отрезал:

— Да чего тебе бояться? Ты чист перед совестью. Сколько раз ты к нему пороги обивал, а он только отмахивался. Твоё обращение в коммуны — законное право любого гражданина. С правдой за пазухой никакой чёрт не страшен.

Ли Сяоцзян понурился:

— Тебе легко говорить, а я всё равно места себе не нахожу. Ты же знаешь моих родителей... Они слова поперёк никому сказать не умеют.

Хань Дуй напустил на себя «задумчивый» вид, а потом выдал:

— Слушай, а давай сделаем так. Если он начнёт расспросы, скажи, что тебе поручили приглядывать за мной. Но я тебя засёк, и тебе пришлось на ходу выдумывать оправдание, мол, по делам в коммуны шёл. А я давай допытываться, что за дела такие, вот ты сдуру и ляпнул первое, что в голову пришло — про место учителя. А когда пришёл в коммуны, нос к носу столкнулся с нужным человеком, ну и пришлось играть роль до конца, чтобы не спалиться. В общем, вали всё на меня. И звучит складно, и к тебе у старшего дяди никаких претензий не возникнет.

Ли Сяоцзян обомлел. План казался безупречным, но совесть тут же подала голос:

— Нет, так нельзя. Мой старший дядя и так зуб на вашу семью точит. Если мы ещё и это на тебя повесим, хлопот не оберёшься.

Хань Дуй лишь отмахнулся:

— Ой, да мы с ним и так как кошка с собакой, одним грехом больше, одним меньше — без разницы. К тому же мы теперь друзья, а дружбу надо доказывать делом. Слушай меня, так и говори.

Ли Сяоцзян всё ещё сомневался, и Хань Дуй изобразил крайнее нетерпение:

— Ну что ты мнёшься, как красна девица? Сказано — делай! Настоящий мужчина не должен размениваться на мелочи. Подумай сам: если твой старший дядя пронюхает о твоих планах, он же с потрохами тебя сожрёт. Живо пристроит на это место парочку своих людей, и пиши пропало. Тогда даже если коммуна даст добро, ты останешься у разбитого корыта.

Слова Хань Дуя ничуть не обидели Ли Сяоцзяна. Напротив, он почувствовал, что они стали ещё ближе. Только настоящие друзья могут говорить друг другу такие резкие вещи в лицо.

До глубины души тронутый такой заботой, он принял предложение и с улыбкой произнёс:

— Твоя правда. Так и сделаю.

Хань Дуй с улыбкой хлопнул его по плечу:

— Вот это по-нашему! На то и нужны друзья, чтобы иногда прикрывать друг друга.

С этими словами он всучил бутылку Ли Сяоцзяну:

— Вот и прикрой меня сейчас. Мать у меня строгая, отцу пить не даёт. Я договорился с бухгалтером Чжаном вечером у него посидеть. Домой тащить эту бутылку палевно, так что припречь пока у себя. Вечером зайду заберу. Да, и отца своего прихвати, и солений тех захватите. Я со своей стороны тоже соображу чего-нибудь, соберёмся у бухгалтера Чжана и посидим по-человечески.

Ли Сяоцзян совсем растерялся:

— Мой батя и твой батя... будут пить вместе?

Хань Дуй усмехнулся:

— Ну да, они друг друга сто лет знают. Чего им не выпить-то? Всё, договорились!

Ли Сяоцзян на автомате кивнул.

Они разошлись у околицы. Когда Хань Дуй вернулся домой, Хань Дахуа как раз пришёл с работы на обед. Завидев сына, он тут же заговорщически зашептал:

— Ну что, добыл?

Хань Дуй так же тихо ответил:

— Ты думаешь, я враг себе, чтобы матери её на глаза везти? Спрятал в надёжном месте.

Хань Дахуа согласно закивал: резонно.

За обедом Хань Дуй в красках расписал, как торжественно вручал знамя в Федерации женщин.

Под конец добавил:

— Сестра, директор Ян тебя хвалила, назвала отличным товарищем и велела почаще заглядывать к ним в кабинет, как время будет.

Хань Мэй так и расцвела от гордости и радости.

После обеда все немного передохнули и снова потянулись на работу.

Чэнь Юэсян, нахмурившись, заметила:

— Этот Лю Вэйго утром прямо извёлся, всё выпрашивал у меня, почему тебя в поле нет.

Хань Дуй отмахнулся:

— Пустое. После обеда выйду.

Как раз будет повод поболтать с бухгалтером Чжаном.

В районе часа дня Хань Дуй вместе с Хань Дахуа и Хань Ганом отправился на работу. Сегодня им предстояло копать водоотводные канавы и ровнять грунтовку.

Хань Дуй усердно махал лопатой и то и дело поглядывал на бухгалтера Чжана. Стоило тому оказаться поблизости, как он тут же пристроился рядом.

Бухгалтер Чжан покосился на него и сухо бросил:

— Работай давай, не отвлекайся.

Убедившись, что поблизости никого нет, он добавил вполголоса:

— Моя благоверная чует алкоголь за версту, так что никакого пьянства. Скажи отцу, чтобы даже не думал приходить.

Хань Дуй напустил на себя на редкость серьёзный вид:

— Бухгалтер Чжан, выпивка — это так, прикрытие. У меня к вам дело государственной важности. Сегодня в шесть вечера мы с отцом, а также Ли Маньтан с сыном явимся к вам домой. Будем докладывать о чрезвычайном происшествии.

Бухгалтер Чжан подозрительно уставился на парня:

— Каком ещё происшествии? Выкладывай сейчас.

Хань Дуй покачал головой:

— Я тут лицо второстепенное. Главные зачинщики — мой отец и отец Сяоцзяна. Без них не имею права говорить. Вечером всё узнаете.

У бухгалтера Чжана внутри всё похолодело. Эти двое спелись, да ещё и по какому-то важному делу? От его привычного хладнокровия не осталось и следа.

Он не удержался и снова спросил:

— Кончай свои шпионские игры. Намекни хоть словом, чтобы я успел валерьянки выпить.

Хань Дуй с каменным лицом выдал:

— Сам деталей не знаю. Могу лишь сказать, что дело касается выживания всей деревни. Связано с водой. А уж куда кривая выведет — бог весть. Бухгалтер Чжан, не забивайте голову раньше времени. В шесть вечера карты будут раскрыты.

Сказав это, Хань Дуй с удвоенной силой принялся копать землю.

Бухгалтер Чжан теперь то и дело бросал косые взгляды в сторону Хань Дахуа. Пару раз даже подходил завязать разговор, но Хань Дахуа, решив, что его пасут за лень, только испуганно ускорял темп работы.

Он тихонько пожаловался сыновьям:

— Что это со старым Чжаном сегодня? Глаз с меня не сводит, так и сверлит спину.

Хань Ган тут же выставил грудь колесом:

— Батя, да тут и думать нечего! Это он на меня смотрит. Видит, как я усердно тружусь, вот и заприметил.

Тут Хань Ган взволнованно повернулся к Хань Дую:

— Сяо Жуй, как думаешь, может, бухгалтер Чжан подыскивает зятя для своей дочки и положил на меня глаз?

Хань Дуй открыл было рот, но несколько секунд просто молча хватал воздух. Наконец он выдавил:

— Личиком ты не вышел, брат, зато мечтать не вредно.

<http://bllate.org/book/19655/1984249>